

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

L'adresse de l'administration : 10, rue de Plelo, Paris (15^e)

№ 5/17

МАЙ 1935

№ 5/17

СОДЕРЖАНИЕ:

Гайдар Баммат — После франко-советского пакта
Май 1918 — Май 1935.
Памяти героя.
Ашот Арцруни — Большевицкий заговор в Армении.
Вахтанг Нарелели — 0 «русской нации».

Дагестанли — Хаджи Мурат по-большевистски.
А. Диановский — «Тха ч-уг чуг».
Обзор Печати.
Хроника
Библиография.
Ш. Беридзе — 750-летие Шота Руставели.



ПОСЛЕ ФРАНКО-СОВЕТСКОГО ПАКТА

Событие отпраздновано в Москве с исключительной помпой. Прием, оказанный г. Лавалю и его многочисленной свите журналистов затмил своим блеском и роскошью подобные торжества дореволюционной России...

Каковы же однако практические последствия этого происшествия? Можно ли утверждать, как это делает большая французская пресса и заинтересованные политические круги, что новый пакт очистил насыщенную пороком атмосферу Европы и увеличил шансы на мирное разрешение конфликтных вопросов? Не случилось ли как раз обратное? Не приведет ли

Итак франко - советский договор взаимной поддержки подписан.

соглашение с Москвой к большему еще углублению пропасти между некоторыми государствами и окончательной кристаллизации в соответствующих коалициях, исключаящих друг друга интересов?...

Несмотря на повторные заверения сторон и на весьма существенные оговорки, содержащиеся в приложенном к пакту особом протоколе, не только в Германии, но и в значительной части европейского общественного мнения, франко - советский договор воспринят как акт серьезно ослабляющий престиж Лиги Наций, и противоречащий, если не букве, то духу Локарнских соглашений...

Самые обязательства, вытекающие из пакта для сторон, толкуются разно, в зависимо-

сти от политических симпатий и антипатий комментирующих документ кругов. Толкование данное ему, например, Леоном Блюмом в социалистическом «Попюлере» явно расходится с пониманием некоторых весьма влиятельных и близких к Ка д-Орсе органов печати...

Причину этой деувязки и кривоголозов надо искать в нарочито туманной, не только ослабляющей содержания пакта, но и прямо его искажающей, редакции протокола. Между тем не подлежит сомнению, что центр тяжести договора именно в объяснительном протоколе и заключается...

Как бы то ни было этот изначальный экивок чреват весьма серьезными последствиями. Он оставляет двери открытыми для самых неожиданных сюрпризов и дает, при желании, и фактическую и формальную возможность свести договор к нулю.

Только время и события, учет которых сейчас невозможен, определят его реальную ценность и жизнеспособность.

Однако самый факт заключения между Францией и СССР двустороннего соглашения, как стыдливо именуются нынче военные союзы, дает могущественный толчок новой ориентации европейской политики и объясняет те опасения, которые высказывают некоторые проницательные французские публицисты на страницах независимой печати.

«Союз с Россией, — пишет в «Ля Пресс» г. Тьерри Молье, — фатально вовлекает Францию в неизбежную схватку между германизмом и славизмом, между национал-социализмом и коммунизмом. Мы отталкиваем от себя заведомо антисоветскую Польшу. Мы питаем опасную манию преследования, которой одержима Германия и создаем у нее настроения отчаяния. Мы снабжаем, наконец, немецкую пропаганду отличным оружием против нас, давая ей возможность утверждать, что Франция находится в союзе с врагом европейской цивилизации и что на Германии лежит миссия защиты Запада...»

Логическое развитие событий, вытекающее из франко-советского пакта — а именно: немедленное заключение союзного договора между СССР и Чехословакией, без всяких, конечно, на этот раз ограничительных протоколов и предстоящее в скором будущем паломничество в красную Москву г.г. Бенеша и Титулеско, в связи с той совершенно исключительной ролью, которую вообще играла в кулисах в деле сближения Парижа и Москвы, Малая Антанта, являются как бы красноречивым подтверждением тревожных предвидений французского публициста.

Как и следовало ожидать быстрее и острее других на воскресный призрачный панславистский опасный реактивировала Италия. Прием, оказанный итальянской печатью исторической речи фюрера Германии и явное стремление Муссолини возстановить, оборванные год тому назад трагическими австрийскими событиями, сердечные отношения с Берлином, находятся конечно в прямой связи с заключением франко-советского договора и наметившимся перемещением центра тяжести Малой Антанты из Парижа в Москву.

«Вступление Советской России в орбиту европейской политики, — пишет римский корреспондент крупнейшей французской газеты «Тан», — является событием огромной исторической важности, глубокие последствия которого скажутся лишь с течением времени. Возрастающее влияние России на значительные секторы европейской политики многие итальянцы уже теперь разматривают как весьма серьезную угрозу: «Не для того Италия вела войну против Австрии, заявил нам один из столпов режима, чтобы место ее заняли еще более могущественные державы...» «Похоже на то, — замечает корреспондент «Тана», — что заключение франко-русского пакта поставило

«Вступление Советской России в орбиту европейской политики, — пишет римский корреспондент крупнейшей французской газеты «Тан», — является событием огромной исторической важности, глубокие последствия которого скажутся лишь с течением времени. Возрастающее влияние России на значительные секторы европейской политики многие итальянцы уже теперь разматривают как весьма серьезную угрозу: «Не для того Италия вела войну против Австрии, заявил нам один из столпов режима, чтобы место ее заняли еще более могущественные державы...» «Похоже на то, — замечает корреспондент «Тана», — что заключение франко-русского пакта поставило

перед Италией проблему, которая еще не созрела. Во всяком случае Италия проявляет явно враждебное отношение к слишком большому вмешательству России в европейскую политику и тот факт, что она аплодирует глубоко анти-русским речам Гитлера не лишен значения...» Эти наблюдения сотрудника оппозиционной газеты Французского Министерства Иностранных дел следует сопоставить с чрезвычайно знаменательной кампанией, против франко-советского сближения, которую с большим блеском ведет на страницах туринской «Газетта дель Пополо», известный итальянский академик и сенатор Фраческо Коппола. В «обзоре печати» наши читатели найдут выдержки из статей посвященных им договору 2 мая. Принимая во внимание специфическое положение итальянской печати и личную роль автора, являющегося одним из наиболее видных теоретиков фашизма в области внешней политики, не будет преувеличением трактовать эти статьи как авторитетный комментарий к речи Муссолини, сказанной 25 мая в парламенте. «После франко-русской и русско-чехословацкой конвенций, переместивших равновесие сил, — заявил Дуче, — речь германского канцлера ожидалась с живейшим интересом...» Совсем не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что это нарушенное не в пользу Италии равновесие сил, вызовет энергичную реакцию Консулы... Не грозит ли только что налажившимся, после долгих лет острой розни и отчуждения, франко-итальянским отношениям серьезная опасность с этой стороны?..

Лишены, думается нам, реальной почвы и те надежды на возможность коренных перемен в директивах внешней политики Польши, которая породила в некоторых французских и русских кругах смерть маршала Пилсудского. Эти круги, по довольно распространенной человеческой слабости, склонны приписывать желанное за реальное. Расчеты на то, что после ухода

с жизненной сцены создателя современной Польши, в Варшаве начнется «война диаволов», явно обречены на неудачу.

Конечно недавний резкий поворот польской внешней политики и сближение ее с Германией носит своеобразную печать гениальной личности покойного маршала. Но ведь вся государственная жизнь Польши, во всех отраслях, носит ту же печать. Совершенно неверно однако думать, что эта политика была делом его случайного каприза или персональных симпатий и антипатий...

На этих страницах мы уже имели случай подчеркнуть логичную закономерность, больше того, фатальную неизбежность той эволюции, которую, быть может вопреки собственным симпатиям и вкусам, должна была проделать Польша с того момента, как в Париже наметились руссофильские тенденции...

Нам кажется, что прав главный редактор «Либерте» депутат Деэyre Ферри, когда он пишет: «Соглашение, заключенное с СССР делает еще более затруднительным возврат Польши к действительному и искреннему франко-польскому союзу. В этом отношении смерть маршала Пилсудского ничего не меняет. Политическое влияние в Польше принадлежит выходцам из восточных провинций, которые относятся к России с недоверием, часто с ненавистью. Акт 2-го мая, чтобы ни говорили, является новым барьером между Парижем и Варшавой...»

Польской репликой на франко-советский и советско-чехословацкий пакты по всей вероятности будет дальнейшее укрепление связей с Германией с одной стороны и сближение с Италией и Венгрией с другой.

Не случайно итальянская печать стала проявлять последнее время особенно горячие симпатии к Польше. Не секрет, что и сам Дуче не упускает случая показать свое подчеркнутое к ней внимание. Недавнее свидание в Венеции полковника Бека с статс-секретарем Су-

вичем, которому французская печать не уделила достаточного внимания, может оказаться немаловажным фактором в дальнейшем развитии европейской политики.

Кардинальное значение для будущего имеет очевидно позиция Англии. Лондон является сейчас фактическим арбитром Европы. Это лишний раз было подчеркнуто на только что закончившейся сессии Лиги Наций, в связи с итало-эфиопским конфликтом. Реакция Великобританского правительства и английского общественного мнения на заключение франко-советского пакта была, как известно, довольно сдержанной.

Особенно подчеркивают этот холодный прием единодушные и горячие одобрения, которыми встречена речь фюрера Германии, сказанная в Рейхстаге 22-го мая. Острие этой речи, как известно, целиком направлено против СССР и международного коммунизма. Очень характерна для английских комстроений точка зрения виконта Сноудена. Бывший канцлер казначейства в первом рабочем кабинете Макдональда в «Синдей Диспач», от

26 мая, пишет: «Большая речь канцлера Гитлера совершенно изменила положение вещей в Европе. Она поставила другие державы перед лицом реальных фактов. Нельзя больше защищать политику поисков безопасности на путях союзов и пактов, направленных к окружению Германии... Речь Гитлера должна быть принята как открытая и честная декларация германской политики и было бы большим бедствием для Европы не принять ее как таковую... Если, к несчастью, другие государства не согласятся пойти на сотрудничество (с Германией) Великобритания должна будет действовать самостоятельно...»

Ближайшие недели внесут больше ясности в чрезвычайно запутанный клубок европейских отношений, но одно уже можно сказать с уверенностью и сейчас. Тройственный союз Франции, СССР и Чехословакии не создал той базы, на которой может быть построено прочное равновесие нашего континента. Сложная игра на европейской шахматной доске продолжается и повидимому кончится не так скоро, как этого хотелось бы многим из нас.

МАЙ 1918

— МАЙ 1935

Еще один год отделяет нас от исторических майских дней 1918 года. Семнадцать лет прошло с тех пор, как в буре войны и революции, народы Кавказа, один за другим, разбили сковывавшие их цепи политического рабства и снова стали на путь самостоятельного государственного строительства.

Но прекрасная заря Кавказских свобод отцвела не успевши разцвести. Жестоким жребий пожелал, чтобы только что вышедшие из душной тюрьмы и не успевшие еще вздохнуть полной грудью народы Кавказа, попали в неволю еще более горькую, в плен еще более тяжкий... Но дни текут и сроки близятся. Мы

знаем, что и под тяжкой пятой кровавой Москвы, как некогда под властью царских штыков, в сердцах вольнолюбивых народов Кавказа лучезарным пламенем горит все тот же неугасимый идеал свободы и независимости...

Красные тираны могут затопить Кавказ несметными полчищами оккупационных армий, задавить неизмеримым превосходством своих материальных сил, но сломить гордый дух кавказских народов, победить их железную волю — им не удастся никогда.

Вековая борьба за святость родных очагов, за исторические твердыни народной веры, за национальный их идеал продолжается... Боевое счастье капризно и непостоянно. В этой эпической борьбе удачи перемежаются с по-

ражениями. Но окончательная победа будет принадлежать тому, кто и поверженный во прах превосходными силами противника не склонит головы перед роком и в самой горечи поражения черпает новые силы и новую веру в вечное свое торжество...

В эти скорбные и горделивые майские дни наши взоры жадно обращены к Кавказу. Перед нашими духовными очами проходят великие тени прошлого. Благоговейно склоняемся мы перед священной памятью былых поколений — в мирном труде и на полях кровавой брани создавших величие и славу нашей стчизны... Больше чем когда либо наши сердца бьются в униссон с сердцами наших собратьев, томящихся в неволе. Больше чем когда либо мы чувствуем себя в духовном общении с ними. Больше чем когда либо ощущаем мы неразрывность наших уз.

Изгнанные из родной страны нашествием иноземного врага, мы не знаем той моральной пропасти, которую рождает между согражданами исход из Родины в результате гражданской войны, вследствие торжества одной политической группы над другой... С неоспоримым правом выражаем мы на чужбине сокровенные мысли и заветные чувства не какой либо одной политической группы, не какой либо одной, хотя бы и значительной, части кавказского населения, а совокупную волю всех народов Кавказа, объединенных в непреклонном решении вернуть их былую свободу и независимость.

В этом основном стремлении, сглаживают-ся все наши доктринальные споры и партийные разногласия.

Майские годовщины совпали в этом году с тревожными днями, когда в Европе происходит чреватая историческими последствиями пе-

регруппировка политических сил. Забыв о ге-катомбах трупов, которыми усеян путь советских палачей, забыв о нечеловеческих страданиях русского народа и десятков миллионов закабаленных советской властью не русских национальностей, закрыв глаза на страшную угрозу европейской культуре и европейскому правопорядку, некоторые государства питают себя неностижимыми иллюзиями насчет «миролюбивых» намерений и неисчерпаемых, якобы, возможностей работодателей нашей Родины.

Нам не пристало вмешиваться во внутренние дела иностранных государств и в особенности той державы, где мы нашли столь широкий и радушный приют. Искренно привязанные к ней мы не можем однако не выразить горячего пожелания, чтобы опасное сближение с советской Москвой не имело для нее роковых последствий, чтобы этот этап ее внешней политики оказался как можно более кратковременным и чтобы безопасность границ этой прекрасной страны была обеспечена более надежными и действенными гарантиями.

Что же касается нас — позиция наша остается неизменной. Перед нами те же задачи, что стояли и год и пятнадцать лет тому назад. Наша Родина попрежнему оккупирована коварным и жестоким врагом. До тех пор, пока Кавказ не обретет своей независимости и свободы — мы не будем знать ни отдыха, ни покоя. И чем больше будет терний на нашем пути, чем непреодолимее будут воздвигаемые на нем препятствия, тем непреклоннее будет наша воля к победе, тем упорнее и непримиримее будет наша борьба. В этой борьбе мы можем сломаться — но не сойдемся никогда.

Гайдар Баммат.

Памяти героя

Чудесный жребий совершился —
Угас великий человек...

Эти слова поэта, сказанные в свое время по поводу кончины Наполеона, вполне применимы сейчас перед свежей могилкой почившего национального героя возрожденной Польши — первого маршала Иосифа Пилсудского. Поистине «чудесный жребий великого человека», чья матежная жизнь целиком срослась с чудом государственного воскресения его славной родины. История возрожденной польской государственности и биография Иосифа Пилсудского неразделимы.

С первых же шагов сознательной жизни этот отмеченный «чудесным жребием» человек связал свою судьбу со святым делом освобождения и объединения боготворимой им родины. Когда в 1867 году около Вильны в семье польского шляхтича, литовского происхождения родился сын Иосиф, поработенная Польша была раздроблена государственными границами трех могущественных великих держав, и самая обширная, центральная ее часть представляла собою группу российских губерний, лишенных даже, подобно Кавказу, нормального земского самоуправления. Умирая, Пилсудский оставляет расширенное по всем окраинам, воссоединенное и воссозданное свободное польское государство, которое само под его верховенством становится великой державой центрально-восточной Европы. Польша целиком вернула себе свое прежнее историческое место, освященное вековой традицией лучших мгновений ее славного прошлого.

Главные моменты биографии Иосифа Пилсудского общезвестны. Революционная деятельность с самых юных студенческих лет, пяти-

летняя ссылка в Сибирь, возвращение на родину, продолжение той же работы, формирование собственной революционной польской партии, нелегальная печатная пропаганда и агитация, новый арест. Вполне естественно, что вступая в борьбу с российским правительством, молодой Пилсудский искал союзников в среде левых партий, с которыми у польских патриотов существовали связи и раньше, но целью его революционной деятельности была, конечно, не та или иная социальная доктрина, а идея независимой родины, воплощению которой он остался верным всю жизнь. Этой практической цели он никогда не терял из виду, и шел к ней всеми доступными средствами, как революционер, организатор дружин, воин, государственный деятель и законодатель. Будучи вторично арестован, он с исключительным самообладанием симулировал душевную болезнь и бежал из госпиталя, с удвоенной энергией отдавшись своей организационной работе националиста и революционера. Уже в 1902 году он считается неоспоримым главой польского революционного движения, а в 1905 году имеет в своем распоряжении стрелковые формирования — первые кадры его будущих воинов-легионов.

Великая война, конечно, открывает новые широкие возможности — новые перспективы и достижения. На австрийской территории Пилсудский организует военные легионы и принимает деятельное участие в боях против русских, но попытка расширить эту организационную работу и занять легионами Польшу после развала русского фронта создает конфликт с

германским командованием — Пилсудский арестован, на этот раз немцами, и направлен в Магдебургскую крепость.

Окончание войны освобождает доблестного узника, и во главе своих легионов он занимает Варшаву, сменив немецкий гарнизон и выметая из страны всякий след прежних оккупаций. Воскресающая к новой жизни, государственно свободная, объединенная Польша — в руках ее верного сына, национального героя, посвятившего жизнь делу ее освобождения.

Следующий тревожный момент, и очень тревожный — польско-советская война, когда московская красная армия уже совсем приближалась к Варшаве, грозя новым, пожалуй, самым страшным порабощением. Но «чудесный жребий», связавший судьбу Польши с жизнью Пилсудского, счастливо повернулся и тут: красная армия разбита и в панике бежит перед натиском поляков.

Пронсходит то, что принято называть «чудом на Висле». Но чудо стало возможным только потому, что во главе геройского народа в трагические часы его истории оказался чудотворец, эпический богатырь духа, сумевший железной рукой остановить безформенную стихию красного потока, грозившего затопить в своих кровавых волнах не только Польшу...

Объективный суд истории еще не нагнал для чуда Пилсудского на Висле.

Победа на Висле победа чисто польская, победа Пилсудского и только Пилсудского. По своему внутреннему смыслу и по предотвращенным последствиям для Зап. Европы она может быть сравнена лишь с чудом другого из величайших сынов Польши, с победой Яна Собесского под Веной.

Это был момент, когда Пилсудский мог сыграть, если бы захотел, решающую роль в истории России: продолжая войну, он мог бы сбросить окончательно московских заправил. Они шли на какой угодно мир с Польшей,

лишь бы только скорей закончить эту подрывавшую их войну.

Но как трезвый государственный политик, Пилсудский ограничил свою роль насущными задачами национального бытия Польши, не дав себя обольстить мировыми перспективами. В междоусобную войну красной и белой России он также вмешиваться не захотел, не захотел решать ее политических судеб. На вершинах власти он остался тем верным сыном своей родины, связанным интересами только ее судьбы, каким был с ранних юношеских лет.

Человек дела, а не фразеологии — Пилсудский был совершенно равнодушен к декоративной стороне своей власти, — тщеславия он не знал и не стремился занять в стране первое по имени место. Завершив и упрочив освобождение Польши, он отказался стать ее президентом и даже одно время совсем отошел в тень, предоставив освобожденному народу устраивать свою политическую жизнь. Но когда он увидел, что борьба партий и разнузданный парламентаризм грозят роковыми бедствиями неокрепшему еще организму, он вновь смело и властно выступил вперед в мае 1926 года, не остановившись перед братской кровью государственного переворота. И он опять победил.

С тех пор маршал Пилсудский стал непререкаемым диктатором Польши. Но декорум власти и тут ему был не нужен: официально он назывался лишь военным министром, а фактически руководил безотчетно всей политической жизнью страны. Без театральных поз и громких речей великий маршал, завершая славное дело всей своей жизни — внешне и внутренне закреплял возрожденную государственность Польши, стремясь ей обеспечить устойчивое положение большой европейской державы.

За последний год физические силы стали его заметно покидать, — сказалась на крепком



организме мятежно проведенная жизнь, но дух и ум оставались до конца неприкосновенно свежими. Как последнее свое завещание, передал он Польше новую мудрую конституцию, которая избавляет страну от братоубийственной борьбы партий, роковой в истории Польши.

Пилсудский умер, в полном смысле слова свершив на земле все земное. И следуя его заветам, Польша сохранит внутренний мир и прочное международное положение. Ее внешняя политика диктуется самой логикой фактов, опасным географическим местом в Европе. Совершенно естественно, что все те силы, которые могут укрепить единую Россию, не отказавшуюся до сих пор от своих недавних имперских притязаний, будут неизбежно

толкать Польшу на сближение с Германией.

Пилсудский погребен в Кракове, в Вавельском замке, в знаменитом склепе Св. Леопольда, где покоятся польские короли и самые прославленные сыны родины — Косцюшко, Мицкевич, Понятовский, Словацкий... С траурной торжественностью звучали по всей стране древние колокола исторических церквей объединенной Польши.

Нынешняя скорбь поляков в особенности близка сердцу всех кавказцев без различия национальности: трагедия наша родственна. Но Польша уже освободилась, а Кавказ еще страдает под тяжким чужеродным гнетом, еще ждет своего «чудесного жребия» и своего Пилсудского.

Большевицкий заговор в Армении

Армянские читатели с большим интересом прочли авторитетную статью генерала Квиниатадзе, напечатанную в мартовском номере «Кавказа»^{*}). Вышний главнокомандующий грузинской армии, подробно рассказывая о большевицком заговоре на Кавказе, имел в виду главным образом Грузию и Азербайджан и упускал из вида Армению. А ведь, в эти решающие судьбу Кавказа дни, в Армении происходили не менее важные события.

Никогда не надо забывать, что судьбы кавказских народов исторически, этнографически и географически тесно связаны между со-

бой. Никто не станет отрицать, что наши страны как одновременно приобрели свободу и независимость, так, почти одновременно, и потеряли их. Это лишний раз доказывает, что к событиям, касающимся одного из кавказских народов, нельзя подходить как к чему то самодовлеющему. В особенности к событиям 1920 года.

Коммунистическая партия Армении была организована в 1917 г., вне ее пределов, — в Тифлисе. Среди армянских рабочих и крестьян большевики абсолютно никакого успеха не имели и с образованием национальных республик, они прекратили свою деятельность в Тифлисе и переместились на Северный Кавказ, а потом в Москву. А когда из Москвы был послан эмиссар в Армению для организации ком-

^{*}) Статья эта полностью была переведена в издающейся в Париже еженедельной армянской газете «Арач».

мунистической партии, уже в самой стране, то он, побывав в рабочем центре Армении — Александрополе и в других рабочих районах, был вынужден заявить, что «Коммунистическая партия Армении существует только в наших интеллигентских головах, ее нет в Армении и не может быть: крестьяне и рабочие и слышать не хотят о такой партии»**).

Положение меняется, когда спасаясь от преследований в соседних республиках, армяне-коммунисты находят приют в Армении. Пользуясь демократическим строем страны и либеральной политикой правительства, эмигранты действуют открыто и им удается завербовать сторонников. В начале 1920 г. партия насчитывала в своих рядах всего около 500 членов. (Конечно, при наличии такого ничтожного количества партийцев, и речи не могло быть об установлении советской власти собственными силами. В этой возможности сомневались как находившиеся в Тифлисе руководители большевицкого движения в Закавказье, так и центральный комитет Армении (Арменком). Они мало верили, что «в нужный момент армянский крестьянин станет стрелять в дашнакцакалов»***) По их мнению, не было необходимости готовить рабоче-крестьянскую массу к захвату власти, они были уверены в том, что если удастся покончить с грузинскими меньшевиками и азербейджанскими муссаватистами, то дашнакцаканы сами сдадут власть коммунистам, или что в противном случае «убрать» их не представится никакой трудности. А «убрать» можно было

при помощи внешней силы, т. е. русской красной армии.

Надо иметь в виду, что в этот период, Армения находилась в особом положении. В 1918 году, когда Турция силою оружия добивалась выполнения условий Брест-Литовского мирного договора, то нашествие турок имело особенно тяжелые последствия для армян. И после отхода турок армяне не жили спокойно. Военные действия с закавказскими соседями и восстановление внутреннего порядка, держали Армению все время на военном положении. Кроме того, сотни тысяч беженцев из Турецкой Армении, эпидемии, голод, недостаток товаров широкого потребления, транзитные затруднения и пр., вызывали естественное недовольство масс.

Большевики расчисывали использовать народное недовольство и вели пропаганду главным образом в том направлении, что Армения без России существовать не сможет и что «большевики несут с собой порядок, хлеб и мануфактуру». Но большевики не понимали, как мы увидим ниже, что не дашнакцаканская власть являлась причиной народного недовольства, а объективные условия. Наоборот, республиканское правительство всячески старалось вывести страну из затруднительного положения. Большевики настолько были уверены в сочувствии армянского народа, что не колеблясь заявляли: «весь народ с нами и в любой момент мы можем поднять восстание и захватить власть»... Только надо было ждать приближения победоносной красной армии.

И вот, как гром с безоблачного неба, 28 апреля 1920 г., нагрянула советизация Азербайджана. В предыдущем номере «Кавказа» Ш. Амiredжиби весьма кстати замечает: «что произошло в этот день в столице нефти и Азербайджана, где все носило характер добровольной сдачи неприятелю и города и страны, об этом как то не принято ни писать, ни гово-

***) Ш. Амрханьян «Майское восстание в Армении». Госиздат. Эривань. 1926. (Амрханьян — председатель Армчека и Контрольной Комиссии).

***) Б. А. Борьян: «Армения, международная дипломатия и СССР», т. II. Госиздат. Москва. 1929.

реть». Не знаю, грузинскому патриоту известны или нет причины добровольной сдачи страны России, но нам, армянам, кое что известно.

До советизации Азербайджана уже началось советско-турецкое сотрудничество с целью «поднять Восток против Запада» на благо мировой революции. Для более тесного сотрудничества нужно было разрушить кавказский барьер, в лице независимых республик С. Кавказа, Азербайджана, Грузии и Армении. К сожалению, в эту неблагодарную работу были вовлечены и мусаватистские главы. 15 апреля 1920 г., в Эрзеруме, было подписано соглашение между командующим 15-ой турецкой армией Бязим Карабекир пашой и заместителем азербайджанского военного министра Али Ага Шихлинским. В 5-ом параграфе соглашения говорилось, что «азербайджанское правительство обещает содействовать сближению между Советской Россией и «комитетом защиты прав Анатолии и Румелии». В случае необходимости, Азербайджан присоединится к этому союзу»*).

По поводу этого соглашения, Карабекир паша пишет: «На основании подписанных условий между большевиками, Азербайджаном и нами, большое количество наших офицеров, докторов и служащих выехало в Азербайджан. Большевики нам предлагают немедленно начать военные действия против армян и, в Билкин против французов. Организованная в Дагестане зеленая армия, под руководством Энвера, Нури и Халила должна постараться в начале апреля занять Баку. Чтобы оправдаться перед союзниками, азербайджанские войска должны устроить ложную демонстрацию сопротивления**»).

*) С. Враньян: «Республика Армения». Париж 1928.

***) *ibid.*

А известный татарский коммунист Султан Галиев в московской газете «Известия» писал: «Служившие в азербайджанской армии турецкие офицеры вели пропаганду за присоединение к Советской России» (Май, 1920).

Таким образом, установленный факт, что по упущению и по вине азербайджанского правительства, русская красная армия приблизилась к границам Грузии и Армении. А местные большевики этого и ждали.

После советизации Азербайджана политическая ситуация в Закавказье коренным образом изменилась. Этим воспользовались большевики и в праздник первого мая вышли на улицу. Надо сказать, что первое мая правительством было объявлено официальным праздником и в этот день все партии участвовали в празднествах. Большевики организовали шумные демонстрации во всех городах и крупных центрах Армении (в Эривани, Александрополе, Караглисе, Дилижане, Карсе, Сарыкамеше и Илдыре). Демонстранты шли с портретами коммунистических вождей, красными знаменами и советскими лозунгами. На митингах было принято предложение послать Азербайджанскому ревкому телеграфный призыв: «объединенными силами свергнуть власть «армянских мусаватистов» и «татарских дашнакцанов», положить конец международной войне и совместно с Советской Россией и угнетенными народами Востока вести общую борьбу против международного империализма».

Наличие частей 11-ой красной армии на азербайджанской границе Армении придало храбрости местным большевикам и они превратили демонстрации первого мая в открытое восстание против существующего строя. Центром восстания оказался Александрополь, где бронепоезд «Варган Зоравар», вместе с командиром, перешел на сторону заговорщиков. Вооруженное брожение начинается так же, в

Карсе, Сарыкамьше, Ново-Баязете и Казахском районе.

Руководители восстания скрываются в бронепоезде и там же организовывается «военно-революционный комитет Советской Армении», который телеграфно требует сдачи власти. Восстание и состояние «гражданской войны» в Армении продолжатся с 1 до 14 мая.

В начале правительство не придавало серьезного значения затеям большевиков. Но когда движение приняло угрожающие размеры, бюро партии Дашнакцутюн взяло на себя полноту власти и приступило к решительным действиям. Не желая вовлекать армию в гражданскую войну, оно организовало добровольческие отряды и двинуло их против бунтовщиков. Надо признаться, что не только правительственные, но и все оппозиционные партии всячески содействовали правительству, а общественное мнение оправдывало принятые последние меры.

Решительным наступлением правительство 14-го мая подавляет восстание в Карсе и Александрополе, 18-го в Сарыкамьше, 19-го в Баязете и 22-го в Казахском районе. Интересно, что забаррикадированный в бронепоезде Ревком не только не делает попытку сопротивления, а его члены, как последние трусы, ночью оставляют своих единомышленников и пробуют спасти свои головы...

Поднимая вооруженное восстание против республики, большевики заранее знали, что народ не пойдет за ними. Всю свою надежду они возлагали на русскую красную армию. Но эту помощь во время они не получили, так как наша многовековая соседка Грузия в это время громила русские войска и им было не до Армении. Обстановка меняется, когда 19-го мая грузинское правительство заключает перемирие с советами. 21-го мая красные войска в Казахском районе внезапно переходят границу и

овладевают центром района Иджеваном, берут в плен находящиеся там товарища министра внутренних дел, командующего войсками района и других представителей власти. Их всех расстреляли в Баку. На другой же день послевоенные правительственные отряды гонят красных за азербайджанскую границу.

Но эта первая неудача не обезкуражила их. Потерпев поражение на казахском фронте, красные повели наступление с другого фронта. Началась упорная борьба в нагорных частях Армении.

Заняв Карабах, в начале июля части 11-й армии при поддержке азербайджанцев, наступают на Зангезур. 5-го июля занимают гор. Герусы и постепенно овладевают Зангезуром. Огонь красный кавалерийский полк посылается в Нахичевань. 1-го августа правительственные войска под начальством Дро переходят в контрнаступление и очищают Зангезур от красных. Но последние, получив подкрепление, вытесняют отряды Дро и вторично вступают в Зангезур.

Скоро начинается армянско-турецкая война и правительство, не имея возможности воевать на двух фронтах, прекращает военные действия против русской 11-й армии. Весь Зангезур, за исключением Мегринского района, остается в руках советов. Но в октябре, зангезурские крестьяне под водительством Идже восстают и собственными силами на голову разбивают красных и очищают Зангезур. Героическая борьба зангезурцев длится до середины июля 1921 года, когда последний свободный уголок Кавказа переходит в руки России.

Побежденные на турецком фронте, 2-го декабря 1920 г., армяне, по соглашению с Россией, признают советскую власть. Но советское правительство держится в Армении всего 2 1/2 месяца. 18-го февраля 1921 г., когда грузинский народ на поле брани защищал свою

независимость, Армения сбрасывает большевническое иго и приходит на помощь своей исторической союзнице — Грузии. Только после советизации Грузии, под напором в несколько раз превосходящих сил противника, повстан-

цы 2-го апреля оставляют столицу Эривань и отступают в Зангезур.

Последняя пядь земли свободной Армянской Республики большевиками была захята 17-го июля 1921 года.

Ашот Арцруни.

О „русской“ нации

Русская, российская, или, как теперь, иногда, ее величают — имперская нация, это воображаемая нация, которую правители России желали бы видеть сформировавшейся на территории всей Российской империи из подчиненных им и чуждых им народностей.

Но, нации не образуются по капризу, даже таких всемогущих и Богом помазанных владык, каковыми считали себя, всемогущие монархи и государи России, ни даже тогда, когда во главе народностей предназначенных, будто бы, для слияния в одну нацию, находится такой народ-богоносец, как несчастный народ великорусский.

Слово «нация», для большинства «русских» (великороссов) понятие весьма неопределенное, также как слово «древний» и целый ряд других, о которых сейчас не время говорить. Можно подумать, что: как слепой не разбирает цвета, глухой — не имеет представления о звуках — за атрофией у них соответствующих органов чувств — так и каждый, считающий себя русским — будучи лишен национального самосознания — не замечает различий между национальностями.

В момент, когда разразилась русская революция, когда развалился российский государственный аппарат, связывавший насильем

группу различных народностей, все население России разбилось на свои составные национальные части. Каждая нация, народность, племя — нашла свое национальное лицо и лишь одни «русские» (великороссы) не только ярко проявили отсутствие национального самосознания, но даже доказали, что понятия: нация, национальность, национальный — совершенно непостижимы их уму.

Нация — это объединение людей, живущих на одной и той же, определенной, территории, имеющих одно общее происхождение, общие интересы, обычаи, традиции, законы, религию, язык — все результат совместной, на протяжении веков, общей исторической жизни.

В ходе исторических событий, благодаря вмешательству отдельных крупных личностей, непредвиденных катастроф или политических, временных, перетурбаций, вышеперечисленные условия нарушались и могут нарушаться, так: нация может лишиться территории, переменить религию, перенять чужой язык и т. д., но, все это должно почитаться как исключения, а не как правило.

Нациям присущи определенные свойства и черты: привязанность ко всему тому, что составляет отличие от других, отталкивание от всего того, что является чертами характери-

зующими чужих, неприемлемость тех доктрин, которые не опираются на национальные основания и традиции, постоянное и ничем неугасимое стремление организовать в государство, получить независимость, освободиться от опеки. — Лучше, ярче, проще и яснее всего дала определение национальному откровению св. Жанна д'Арк: «Быть независимыми от чужеземцев на своей земле и иметь среди себя своего верховного главу».

Стремление к независимости от чужеземцев и на своей земле у народности, обособившейся в пределах бывшего Московского государства, могло появиться:

1) во время, так называемого, татарского ига, тяготевшего над Московской землей.

2) в момент смутного времени, когда Мясной овладели поляки.

3) когда Петр I-ый насильственно превращал своих подчиненных в голландцев (выразилось в оппозиции патриарха Иоакима и Адриана).

Но, так как весь 19-ый век прошел для «великороссов» в захвате, уже ими самими, чужих земель, то понятие «своя земля» естественно исчезло.

У всех не «русских» стремление это существует с момента подчинения их России. Тот факт, что «русские» не хотели, и до сих пор не хотят этого замечать, еще не значит, что стремление это отсутствует или искусственно поддерживается деньгами врагов России. Можно закрывать глаза на вещи, которые не хочешь видеть, но от этого существование самих вещей не зависит.

**
*

Россия менялась, росла — все новые и новые территории присоединялись, все новые и разноплеменные народности вливались в состав ее населения. Самый талачливый скульптор

не способен был бы создать и завершить свое творение, если бы масса, над которой он работает, постоянно менялась в форме, составе и величине.

Вполне естественно, что к моменту русской революции (так было с римлянами перед гибелью Римской империи) «великороссы» были лишены национального самосознания. И в то время когда инородцы смотрели на русскую национальность как на новую формирующуюся на территории Российской империи нацию из разнородных элементов, где каждая народность вносила нечто свое — «великороссы» на тот же процесс смотрели как на превращение инородца в «русского». В первом случае необходимо равноправие, солидарность, веротерпимость, уважение к национальным особенностям каждой отдельной народности, в чем инородцами, была проявлена лояльность. Во втором: отказ одних в пользу других, или — мена лучшего на худшее.

**
*

То, что во всех других странах составляет нацию, в России, до последних дней, остается народонаселением.

Все население Российской империи делилось на интеллигенцию и народы, составлявшие, как и в других странах, два слоя: высший и низший, но если во всех других странах высший слой вербовался из низшего (кроме аристократии) из лиц прошедших необходимое образование и получивших определенное воспитание, оставаясь в смысле национальном единым и однородным целым, то в России существовала непроходимая пропасть не только между этими двумя слоями, но и огромное разнообразие в каждом из них.

Высший слой населения России состоял из представителей, чуть ли, не всех существующих на земном шаре народностей, получивших почти одинаковое образование на русском языке.

же, сходное для всех воспитание и сформированных в конце концов, как бы особую русскую нацию с оригинальной, высокой культурой, сделавшей видный и чувствительный вклад в мировые: науку, искусство, музыку и т. д. Низший же представлял из себя мозаику самых разнообразных и разнороднейших народностей, делившихся в свою очередь на два слоя и имевших каждый свою интеллигенцию и народ, ничего общего (не считая того, что сами «великороссы» присвоили и переняли от инородцев) с Россией не имевших, с одной стороны и — мужиков, т. е. крестьян, селян, простолудянов, будто бы «великоросской» народности, на самом же деле, двуногих существ неопределенной национальности, с другой.

Насколько русская интеллигенция казалась однородной и могла сойти за русскую нацию, настолько низший слой различался и резко делился по национальностям и различие это бросалось в глаза. Если интеллигент «великоросс», украинец, грузин и т. д. могли сойти каждый за русского, то мужика — кацапа, никогда не смешали бы с хохлом, ни тем более с грузинским крестьянином. С распространением образования среди всего населения бывшей Российской империи, однообразие русской интеллигенции, создававшее впечатление существования «русской» нации естественно уступает место разнообразию высшего слоя и наличию целого ряда национальностей. Однообразная интеллигенция уступила место разнообразному народу. Национальные различия заменили кажущуюся «русскую» нацию.

В момент русской революции выяснилось, что ни российской ни русской нации не существует, как не стало римской нации, и как не существует на месте ее единой европейской нации.

Рассматривать Россию, или как ее теперь, иногда называют «Российский континент»,

как одно государство, столь же абсурдно как принимать население 28 разных государств Западной Европы за одну европейскую нацию и думать, что возможно, из всех этих 28 государств, создать одно единое, неделимое. — Шестидесяти миллионов «русских» нет, не существует, как нет 350.000.000 англичан и нет 110 миллионов французов. — Есть смесь гуннов, финнов, и татар, которым «русское» православное духовенство и книжные люди дали наименование «великороссов», изобретенное с целью скрыть истинное их происхождение, прицепив их таким, подложным, способом, к славянским народам и — конгломерат наций, насилием, обманом и вероломством подчиненных русским царям. Единой, неделимой России в этих условиях осуществить нельзя. Имперская идея это бред и безумие, особенно теперь, в 20-м веке, характернейшей чертой которого является развитие национального сознания у всех народов мира.

Без нации не может существовать государство. Для создания «русской», если это наименование, без всякого основания, предоставить ей, нации, о чем уже говорили некоторые представители «великороссов» — необходима прежде всего дислокация русской интеллигенции, от которой должны отколоться все «заблудшие овцы» из инородцев и иностранцев, тогда оставшиеся «великороссы» составят высший слой «русской» нации, нижним слоем которой явятся мужики. Лишь после этой дислокации и после слияния высшего слоя с нижним в одно целое можно будет говорить о «русской» нации, но тогда выступит самый серьезный вопрос о принадлежности этой нации, к той или другой этнографической ветви индо-европейской расы.

Славяне ли те, для кого книжные люди

16-го века (в древности) изобрели название «великороссы» или нет?

1) Если славяне, то славянство уже входит в мир, начинает свою мировую жизнь и становится постепенно мировым фактором. Народности России, принадлежащие славянскому элементу должны влиться в славянство.

«Русские должны выдвинуть «нео-славянскую идею. В этом заинтересованы и они сами и все славянство» («Младор. Искра» 1 янв. 1934 г. — Иностранцам, со славянством нечего делать!)

В интересах «русских» и в интересах славянства — кристаллизация славянских элементов населения России, развод их с инородцами, а следовательно: расчленение России, «балканизация России», против чего так возстают «русские» — это разумная и единственно правильная, для них же, политика.

С другой стороны, прав Н. С. Тимашев, утверждая: «Мысль, что национальное возрождение возможно не иначе, как в лучах вновь возсиявшего православия, прочно укоренилась в сознании эмиграции» («Возрождение» 26-X-34), но и с «русским» православием, как и с славизмом инородцам нечего делать.

Если для национального возрождения «русских» имеются только два пути: славян-

ская идея и православие, то и на том и на другом инородцы являются балластом, от которого сами «русские» должны избавиться.

2) Если не славяне, а остатки гуннов, после смерти Атиллы перекочевавшие обратно за Прут и Днепр, смешавшиеся с финнами и монголами, узурпировавшие чужое имя... тогда справедливость должна восторжествовать, должны воскреснуть и быть восстановлены в своих правах: Новгород Великий... Киевская Русь...

«Где же ты, Новгород, память нетленная,
«Слава полуношных стран?
Встань, пробудись, старина незабвенная
Древняя вольность славян!

(Костомаров)

И в том и в другом случае, нам, кавказцам, не по пути с севером. Мы будем счастливы и рады видеть воскресение истинной Руси, создание единого или конфедеративного Славянского государства, но мы должны понять и вспомнить, что наше славное прошлое на Кавказе и в Малой Азии... Несчастья наши начались когда судьбу свою мы связали с севером. Нам необходимо повернуться лицом к Малой Азии. Через Кавказскую Конфедерацию, быть может, и к Мало-Азиатской.

Вахтанг Карелели.

Хаджи Мурат по большевицки

Наши корреспонденты с мест передают вам любопытные подробности относительно одной «героической поэмы» из истории борьбы горцев с русским империализмом, поставленной недавно в Буйнакском театре на кумынском языке, под покровительственным оком местного культпроса. Правда, пьеса то переводная, принадлежит она перу одного русского, Ануш-

кина, который, в свою очередь, заимствовал ее из славной, хотя и не вполне выдержанной, по точности, повести Толстого, «Хаджи Мурат». Так она и называется.

По замыслу, пьеса должна показать драматические эпизоды героической борьбы горцев за свою свободу, но так как марксистская теория обязательно требует во всех проявле-

ниях борьбы напирать на классовую сторону, а если ее нет, то выискать ее непременно, то автор, дабы выполнить этот социальный заказ, дополнил текст Толстого, высосав из своих пальцев «классовую» сторону поведения Хаджи-Мурата.

Хаджи-Мурат, видите ли, это революционный вождь горского «пролетариата», который борется одновременно против русского империализма (и даже не империализма, а «царизма») и «эксплуататорской диктатуры» имама Шамиля, который, оказывается, в своей более чем 30-летней борьбе с Россией, имел в виду не столько интересы горских народов, сколько таковые ханов и беков».

Для того, чтобы провести резкую «демаркационную линию» между вождями имама Шамиля и Хаджи-Мурата, автор выдумал патетическую сцену, когда «вождь и защитник бедноты», революционер Хаджи-Мурат, обращаясь к имаму Шамилю на собрании алимов, в резиденции последнего, декларирует свое «большевицкое» кредо в следующей тираде:

«Моя дорога — дорога бедных людей. Я знаю, тебе это не нравится... Ты окружил себя мюридами — и не хочешь думать о тех, кто копает землю, пасет баранов, делает заруды, тьет шерсть*»).

*) В другом месте он говорит Шамилю: «Возьми что тебе надо у ханов и у беков».

Но автор не довольствуется вложением в душу «шефа бедноты» лишь одного «колхозного» настроения. Он идет дальше. Он превращает Хаджи-Мурата в заядлого активиста из... союза безбожников. Так в последнем акте, обращаясь к небу, Хаджи-Мурат заявляет ни более ни менее:

«Аллах, я просил тебя помочь... Ты не сделал... Я плюю на тебя!»

Автор идет еще дальше по линии большевицкой «эстетич». Он влагает аналогичное кощунство в уста молодого сына Хаджи-Мурата, Юсуфа, произведенного в воображении г. Анушкина в типичного комсомольца. Этот юноша заявляет имаму Шамилю:

«Я плюю и на тебя, и на твоего Бога!»

Не правда ли как это «эффектно», читатель? Как соответствует духу страны и эпохи?!

И находятся горцы, которые решаются ставить подобную грязную, пошлую дребедень русского большевика на кумысской национальной сцене!

На примере этой аляповатой и нудной страшилки можно иметь некоторое суждение о той «национальной по форме, но социалистической по содержанию» культуре, введенной большевиками, у инородцев в «бывших царских колониях», о которой советские пропагандисты не перестают кричать на всех перекрестках.

Дагестанли.

„Тха ч-угу чук“

(ИЗ СЕРИИ «РОДНАЯ ЗЕМЛЯ»)

Дождливый осенний вечер 1909 года. Быстро сгущается темнота, окутывая покровом ночи горы, ущелья и еле заметную даль моря.

По шоссе, кутаясь в бурки, ехали два всадника. Каждый из них думал свою думу, да и какой тут может быть разговор, когда люди целые сутки мокли под дождем почти не слезая с измученных лошадей. Тихо вокруг. Только и слышно удары подков о камни шоссе, да падение дождевых капель на опавшую листву.

Дождь, настоящий черноморский дождь, который ссеется будто сквозь сито, пронизывал путешников до костей своею холодной сыростью.

Лошади устало двигались вперед, иногда останавливаясь, и встряхиваясь, как это делают мокрые собаки.

Пахло испарениями конской кожи, смоченной дождем.

— Да, брат Арчибасов, милая погодушка, чорт бы ее побрал, вместе с нашей службой! — проговорил один.

— Да, г-н начальник, погодка знатная, что и говорить, ну да ничего, вот доберемся до Головинки и, если хотите, то там и заночуем, — ответил Арчибасов.

— Поневоле надо ночевать; мне завтра к пастухам надо, да в Верхний Кичмай тоже, а на обратном пути к староверам в «Матросскую Щель... Да, службица, метайся, как чорт в ступе!

Люди были явно не в духе, что было следствием их чрезмерной усталости.

Лошади тоже едва плелись. Сказав эти несколько слов, всадники вновь умолкли.

Вдруг крик, полный безысходной тоски и горя прорезал тишину.

Лошади вздрогнули и стали. Вздрогнули

и всадники. Кажется, все горе и тоска вырвались из наболевшей души в этом крике.

Прорезал крик-стон тишину и умолк.

Приготовив карабины всадники, послушав минутку, тронули лошадей вперед. Крик донесся к ним с противоположной стороны ущелья.

— Господи-Боже! Чи убили кого!? Уж очень страшно крикнул человек... Вот чортова сторонущка!!... — сказал сокрушенно Арчибасов, подгоняя свою уставшую лошадь. Лошади побежали рысью, напрягая последние силы. Зорко вглядываются в темноту всадники, держа наготове карабины.

Наконец, совсем близко от них крик повторился, сопровождаемый целую речью на черкесском языке. Говоривший растягивал слова и, казалось, что он шел или плакал.

— Живой, слава Тебе Господи!!» — воскликнул облегченно Арчибасов.

Подъехав вплотную всадники при свете электрического фонаря увидели сгорбленную старческую фигуру, одетую в лохмотья, сидевшую на куче, придорожного щебня. В руках старик держал длинную палку и оперев на нее голову, казалось не обращал внимания ни на дождь, ни на всадников, продолжая не то петь, не то плавать. Временами песня-плачь доходила чуть не до шопота, но иногда он поднимал голову и бросал в темноту стон-призыв:

— Эй-й-й вар-р-а-а-а... Мде!... Мде... ка-во!... — стонал в темноту старик.

— Што за штука?? Ведь это черкес... Не дотянул бедняга до Кичмая, вот его ночь и прихватила. Бедняга... Старый совсем. Што-ж с ним делать? А? — разсуждал вслух Арчибасов.

— Нужно какнибудь доставить его в Го-



ловинку, — ответил начальник. — Вот горе! Хоть бы подвода какаянибудь попутная попалась. Мы бы его там у староверов или у Сашина на ночь пристроили, а утром, отдохнув, он добрался бы до Кичмая.

— Черти они, эти староверы... Ни за что не пустят переночевать не ихней веры человека. Дьяволы!!! Носятся со своей верой: то нельзя, да это нельзя, а человек хоть умирай. Што-ж, г-н начальник, тут стоять, так и до утра никого не дождемся. Видно, я его посажу на моего коня, а сам пойду пешком. Тут уже не далеко, версты три всего. Не погибать же ему!

— Да, Арчибасов, так и сделаем. Когда ты уморишься, то сядешь на моего коня, а я пройду пешком.

Арчибасов слез с коня и подошел к старику.

— Дед! Ты по-русски знаешь? — спросил он.

— Хао, хао, — ответил старик. Потом, подумав, как видно напрягая память, добавил: — мирной.

— Поговорите с ним по турецки, может он поймет, — обратился Арчибасов к начальнику.

Тот заговорил по турецки. Старик свободно говорил на этом языке и добавил, что он почти слепой.

Все как усадили старика на лошадь Арчибасова и двинулись дальше.

— Бог вас благослови за вашу доброту... А кто вы? Мне турки, «балукчи», сказали, что тут черкесы близко, да плохо я вижу, да и ноги тоже плохо ходят. Вот ночь пришла, ну я и сел... — бормотал старик.

— Мы «заптие»*), — ответил начальник.

— А-а! Заптие... Урус... Казак...

— Да. Урус... Казак...

Старик умолк, опустил голову.

Замелькали огоньки староверских хат в «Матросской Щели». Потянуло ветерком из ущелья, запахло дымом и жильем.

— Знаете, г-н начальник, ну их к дьяволу, этих кулугуров. Чем с ними канителиться, пойдем прямо к Бахве-духанщику. И старика до утра пристроим, и сами обогреемся и переночуем, — предложил Арчибасов.

— Ты прав... Идем, — согласился тот.

Подошли к духану. Бахва вышел навстречу.

— Заходите, пожалуста... Какой пагода! Ай! Какой пагода! Здрастуй начальник. Здрастуй Арчибаса. Как дела? А эта што? Арестовали? — спросил в разговоре Бахва, указывая на старика, и добавил с сожалением: — сапхали*).

— Нет, Бахва, не арестовали, а на дороге нашли, ну и взяли с собою. Ты уж, пожалуйста, устрой его на ночь, накорми и обогрей. Я тебе заплачу за него, — сказал начальник.

— Што ты мне будеш платить!! Как можна! Што я собака, што-ли? Ай, бедни старики.

Арчибасов помог старику слезть с лошади. Бахва подхватил его под руку и повел к очагу, возле огня которого грелись двое пастухов-миггальцев. Они почтительно встали и помогли старику сесть.

— Сейчас кушать падам... Грейте ви старики... Ште хочеш? Харчо, сапабели, мамалига или хлеб? А! — заторопился Бахва возле старика.

Тот смотрел на Бахву старческим взглядом, повторяя: «мирной, мирной».

— Знаю што ти мирни человек. Война слава Богу нету. Кушайти, пожалуста. Вот харчо, вот мамалика, тебе хлеб ни нада... Тибе зуби нету, — хлопотал Бахва.

*) Несчастный.

*) Турецкие конные жандармы.

— Водка даай иму... Иму хозадна, — вставил пастух Арканиа.

— Черкеси водка не пьет; им закон не позволяет, — воспротивился Бахва и добавил, обращаясь к старику: — кушити, пожалуста. Не баицца, я здес.

Старик смотрел на Бахву, не понимая его слов, но видя на нем черкеску, кинжал и револьвер на поясе, что то быстро заговорил по черкесски, показывая рукой на Бахву и ударяя себя в грудь.

Долго тянется осенняя дождливая ночь. Старик поев, поблагодарил Бахву и прикурнул у огня. Начальник пошел спать к своему другу объезчику Салину, а Арчибасов пристроился у Бахвы, они были приятели.

Рано утром Арчибасов разбудил начальника и сказал, что старику черкесу очень плохо, как бы не умер. Начальник распорядился вызвать Кичмайского старшину, а сам пошел к Бахве посмотреть больного. Старик лежал на тахте, широко раскрыв невидящие глаза и бредил, мешая черкесские слова с турецкими. На обращенные к нему вопросы он уже не отвечал. Понять что либо из отрывочных фраз бреда, было невозможно.

Наконец, приехал Кичмайский старшина, в сопровождении целого эскорта черкесов разных возрастов. Узнав в чем дело, старшина и черкесы вошли к больному. Старшина заговорил. Вдох вырвался из груди старика и он приподнявшись на локоть, прислушался, будто бы слова старшины доносились к нему издалека. Спросил что то и услышав ответ, быстро заговорил. Старшина и свита слушали, держась за рукоятки кинжалов. Старик умолк в изнеможении. По распоряжению старшины, черкесы приготовили из ветвей носилки.

— В чем дело? — спросил старшину начальник.

— Старый человек... Большой человек... Умирать скоро будет: надо в аул нести. Речка

большая, на повозке нельзя ехать. На носилках понесем, — ответил старшина.

— Но кто он? Из какого аула, — добывался полицейский, — сам вижу, что он умрет, вот мне и нужно знать, как его записать.

— Старый человек из Турции пришел. Умирать здесь хочет. В его ауле русские живут. Давно в Турцию ушел, когда война была, а теперь пришел умирать «дохой». Отец его и деды здесь похоронены... Аллах жалится над ним и глаза его уже не могут узнать родных мест и хоть это будет ему утешением.

Пришли черкесы с носилками из ветвей с разстеленной на них буркой.

Старика уложили на носилки. Процессия тронулась. Старшина подъехал к начальнику.

— Ты куда, Александр? — спросил он.

— В Верхний Кичмай и к пастухам иметинам, — ответил тот.

— Значит нам по пути, пойдем вместе.

— Пойдем.

Тихо, без шума, несли больного. Когда подошли к русской деревне Верхний Кичмай, старик заметался на носилках и начал в бреду кого то звать. Несущие остановились и положив носилки на землю, знаками подозвали старшину. Тот подбежал и наклонился к умирающему. Старик едва внятно что то говорил, потом речь его прервалась и он в изнеможении раскинул руки. Правая рука спустилась с носилок на мокрую землю. Наверно прикосновение горячего тела к холодной земле возвратило сознание умирающему и он открыл невидящие глаза. Захватив конвульсивно горсть размокшей земли, поднес бессильную руку ко лбу.

— Тха ч-угу чук... Аллах Керим, — вздохом вырвались последние слова и душа, истомленная тоскою по родине оставила безжизненное тело.

Черкесы стояли вокруг, мрачно опустив головы.

— Скажи мне, Сагит, как его имя и из какого он аула, — спросил Александр у старшины.

— Имя его в ваших книгах не записано, в ауле живут русские, а на нашем кладбище ему найдется место. Оставь его... Он умер на своей земле. Вы взяли все у него, но не могли отнять любви к Родине. Он не нарушил ваших

законов, а перед смертью границ не существует. Прощай, Александр, тебе нужно к деревне, а нам под гору. Заезжай при случае, гостем будешь. — Сагит пожал руку Александра и дал черкесам приказание трогаться в путь.

А. Диановский.

Обзор печати

ФРАНКО-СОВЕТСКИЙ ПАКТ И ИТАЛИЯ

В «Газета дель Пополо», выходящей в Турине и часто отражающей настроения официальной римской дипломатии, один из наиболее выдающихся и авторитетных теоретиков фашизма в сфере внешней политики академик сенатор Франческо Коппола пишет:

«...И вот мы видим Францию, ищущую заключения франко - русского союза, как будто русский союз не приносил ей всегда и неизменно в прошлом одну только измену; так было во время Семилетней войны, так было и в наполеоновские войны и в особенности во время последней Великой войны. Хуже того, — союза этого помогают, как будто дело идет все еще о России царской, т. е. великой державе порядка и традиции, а не о России Советов, которая, можно сказать, по собственному признанию, является врагом европейского порядка и западной цивилизации, как будто нынешние хозяева Москвы не те же самые люди, которые в 1917 году цинично отреклись не только от военных и политических обязательств, но также от обязательств финансовых. В Па-

риже не думают даже о том, что те, кто так настойчиво сейчас домогается союза, являются теми самыми людьми, которые неустанно организывают, снабжают и руководят коммунистической партией во Франции, т. е. той самой партией, что отвергает двухлетний срок службы, развивает антимилитаристическую пропаганду на фабриках и в школах, толкает новобранцев и солдат к бунту и ждет только момента, когда страна будет поглощена трудностями войны, чтобы нанести ей удар в спину социальной революцией!

Даже если верить в лояльность Советов (лояльность эта не заслуживает никакого доверия, т. к. новый союз, являясь для них в настоящее время провинциальным, не соответствует ни их миссии, ни доктрине) все же можно считать несомненным «а priori», что такой союз будет для Франции, конечно, односторонним, возлагая на нее, в случае войны с Германией, самые обширные и серьезные военные обязательства, не компенсированные, с другой стороны, никакой соответствующей поддержкой. Достаточно бросить взгляд на географическую кар-

ту, чтобы констатировать, что между Россией и Германией существует Польша. А Польша не согласится никогда, чтобы советская армия, как армия русская, да еще коммунистическая, прошла бы через ее территорию. Достаточно оказалось одной только возможностью этого в перспективе, чтобы отдалить Польшу от французской политики. И отказ Польши примкнуть к восточному пакту очень показателен. — Франко - русский союз фатально толкнет Польшу на решительный и полный союз с Германией.

Приведенные строки взяты из статьи, написанной еще до поездки г. Лавала в Москву.

В той же «Газетта дель Пополо», от 19 мая, сенатор Колпола вновь возвращается к теме франко - советского пакта и выражает опасение, что Франция обманулась и совершила невыгодную сделку. По его мнению Советская Россия заключив союз с Францией отнюдь не отказалась ни от своей основной цели — мировой революции — ни от своих разрушительных методов — революционной пропаганды. Советское правительство страстно стремилось к этому союзу, потому что чувствует себя в опасности и знает, что воевать оно не способно. Оно предпочитает, чтобы буржуазные государства воевали за него... Если создадутся условия, при которых обязательства взаимной поддержки должны быть осуществлены, Франция, не отказавшаяся от «предразсудков национальной чести», выполнит сполна взятые на себя обязательства. Россия же, «освободившаяся от этих вульгарных предразсудков», едва ли последует французскому примеру... Франция фатальным образом вовлечет за собою в войну всю Западную Европу, или по крайней мере Европу латинскую, которая окажется вынужденной пойти на невероятные жертвы ради защиты московского большевизма, являющегося самым опасным врагом всех

ее устоев и цивилизации. Сенатор Колпола удивляется, что Франция так упорно стремится закрыть германскому империализму двери на русский Восток:

«Когда котел накален до кипения, — замечает он, — необходимо открыть отдушину и дать выход парам. Россия в течение последних веков оказавшаяся не в состоянии распространять силу своего оружия на Запад, проявляла наоборот удивительную способность выматывать и брать измором всех завоевателей от Карла XII до Наполеона».

НОВОЕ ЗАМЕШАТЕЛЬСТВО МЕНЬШЕВИКОВ.

Круги по воде, разводимые газетой «Брэдзольс Хма», все ширятся и множатся. Вот уже больше года как издается журнал «Кавказ» и мы не припомним случая, чтобы, меньшевизская газета, выходящая с заставкой «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» (во Франции так поступают только коммунистические газеты) в полемике с нами не обозвала бы нас «туркофилами» или, что еще лучше — «пособниками большевиков». Доказательства? — смешно говорить о них. Пусть судит сам читатель. Например: газета из кожи лезет, чтобы внушить, что меньшевики ведут борьбу против большевиков. Стало быть, все те, кто в этой «борьбе» меньшевиков «против» большевиков видят одно только марксистское лицемерие, а самих меньшевиков считают людьми неспособными возглавить национальное дело и национальную борьбу — что они так блестяще доказали всей своей прошлой деятельностью — и разоблачают их, все они, эти разоблачители, оказываются «содействуют» большевизму. Чтобы получить одобрение и признание меньшевиков, надо забыть их прошлое, закрыть глаза на их пребывание во II Интернационале, где они только тем и занимаются, что голосуют пробольшевизские резолюции, где они готовы призывать

г. Милюкова и «Последних Новостей», казалось бы, надлежало проявить особую предупредительность и признательность. Грузинская эмиграция еще не совсем забыла о том, что известное письмо провокатора Гамкрелидзе, направленное против виднейших деятелей национального грузинского лагеря, было напечатано именно в «Последних Новостях». Письмо это вызвало тогда всеобщее возмущение среди грузин. Было назначено следствие. Анкетная комиссия установила, что письмо провокатора было помещено с одобрения авторитетных лиц «грузинской эмиграции», но имена их редакция республиканско - демократического органа не признала возможным назвать. Ни для кого впрочем в кавказской эмиграции не секрет, что «авторитетных» покровителей провокатора надо искать в лагере «Брдзолис Хма». — Базалось бы такую услугу надо оценить по достоинству, но благодарность очевидно не меньшевицкая добродетель.

Наконец, последний перл! — Ведь не «Кавказ», а меньшевиков из меньшевиков, быв. член Социалистического Правительства и Министр в Париже А. П. Чхенкели обращается с просьбой к русской газете «в соответствии с добрыми ее традициями», способствовать дружественному разрешению возникших в связи с выборами в Совет Оффиса разногласий между различными грузинскими группами...

Правда, «Последние Новости» от этой роли арбитра довольно пренебрежительно отмахнулись. Не наше мол дело вмешиваться в ваши внутренние раздоры... Но от этого существо дела и самый факт поразительного, совершенно непостижимого меньшевицкого обращения нисколько не меняется...

И после всего этого «Брдзолис Хма» будет утверждать, что мы дружим, а они воюют с г. Милюковым и «Последними Новостями».

Не наша вина если русская газета, наученная опытом гамкрелидзевской истории, стала

осмотрительней относиться к меньшевицким письмам и «рекомендациям» и отвелась критически к писаниям даже таких почетных меньшевиков, как гг. Асатиани и Чхенкели. Это личное дело меньшевиков и русской газеты...

«БРДЗОЛИС ХМА» ПО ПОВОДУ ПИСЬМА Д. САГИРАШВИЛИ

«Брдзолис Хма» следующим образом откликается на помещенную в прошлом номере «Кавказа» статью: «Ш. Карумидзе по поводу статьи Д. Сагирашвили:

«Сколько непристойного излили Карумидзе и его газета на нашу партию, на ее главарей, на ее деятельность и прошлое и Сагирашвили мог молчать. Но не может уже молчать, когда, с целью самозащиты, мы должны были ответить на все это. Почему? И после всего этого он еще заикается о каком то «чувстве простой справедливости». Если он действительно озабочен чувством справедливости, он должен был до сих пор сто раз возвысить свой голос против Карумидзе и ком., за все те неприличия, которые он совершил против нашей партии!...

Г. Сагирашвили требует суда. Но решение выносит сам и наперед в пользу Карумидзе. Он и свидетель и защита и судья. Надо сознаться что в этой защите своего клиента он обнаруживает достаточный талант «адвоката». Он серьезно берется обелить черное, но не вина его, если делается это тщетно. Проигранное дело нельзя спасти даже при помощи красноречия Сагирашвили. А что дело Карумидзе проиграно, это известно и самому Карумидзе, иначе вряд ли он пожелал бы остаться на попечении одного Сагирашвили...

«Карумидзе, оказывается, весьма доволен «смелым выступлением» Д. Сагира-



инвили и милостиво заявляет, что «свой подробный ответ по этому поводу он даст в будущем номере «Каде». Пока же вновь довольствуется нашей руганью и горделиво сообщает, что «инсинуациям шайки Жордания он не придает серьезного значения». Но «если общественное мнение действительно желает разобраться в этом вопросе, пусть вынудит «Брдзолис Хма», чтобы свою клевету она облекла в конкретные формы». Это он должен был требовать сам и до сих пор, а не скрываться до сего дня за спиной Сагирашвили и других. Если правда что мы его оклеветали, мы готовы нести голову под его меч. Суд и мы — оба находимся в Париже.

«...Что же касается предания суду уже самого Карумидзе, по поводу распространения им клеветы относительно «червонцев», то мы еще в декабре предложили ему публично, что в виду того, что П. Рамнишвили не жив, а вторым лицом он называет какого то «посла» — назвать имя и фамилию этого «посла» и тем дать возможность предать его (Карумидзе) суду. С того дня прошло шесть месяцев, и он его не назвал. Ясно, что ему нечего сказать»...

«Брдзолис Хма» очень недоволен г. Сагирашвили. Это неудивительно. Но кого оно думает обмануть, когда делает попытку затемнить вопрос бесплодной дискуссией о том — кто кого должен привлечь к коронному суду. Сущность предложения г. Сагирашвили заключалась в обращении как раз не к государственному, а к общественному суду. Ш. Карумидзе это предложение принял, хотя и не скрыл своего желания довести дело и до суда государственного. «Считаясь со ссылкой г. Сагирашвили на общественную совесть... г. Карумидзе готов пойти ему на встречу и предстать перед обра-

зованной на принятых началах комиссией, с непременным участием в ней двух иностранцев, из которых один должен быть видным членом Бюро 2-го Интернационала. Этой комиссии г. Ш. Карумидзе готов представить все объяснения и имеющиеся в его распоряжении «документы», читаем в посвященной, в последнем номере нашего журнала, этому вопросу статье. В чем же дело? Если «Брдзолис Хма» действительно желает пролить свет на эту историю и узнать попутно якобы так интересующее его имя — ведь это легче легкого. Ему надо лишь последовать примеру г. Ш. Карумидзе и принять предложение г. Сагирашвили. Или «Брдзолис Хма» смущает требование участия в качестве арбитра одного из видных членов 2-го Интернационала?!

СЛОН И МОСЬКА

или князь Гарсеван Чавчавадзе и Великий Гриша Уратадзе.

Чрезвычайно интересная статья ген. Квинитадзе, появившаяся в позапрошлом номере нашего журнала и касавшаяся первого проникновения Советской России в Грузию имела много откликов. Вй была посвящена статья, Амiredжиби в прошлом номере, а в настоящем печатается статья г. Ашота Арцруни. Кроме того, она была перепечатана армянским журналом «Арач», а редакция нашего журнала получает, в свою очередь, много интересных откликов на нее от наших читателей.

«Отозвалась», но не прямо на статью ген. Квинитадзе, как было бы правильнее, а только рикошетом — на письмо г. Амiredжиби, но вполне по своему и «Брдзолис Хма».

Никто не станет отрицать, что вопрос поставленный ген. Квинитадзе наш общий, кавказский, вопрос, вопрос нашего трагического прошлого и нужно только сожалеть, что изучению этого прошлого, кавказская эмиграция уде-

ляет столь мало внимания. Знать наши прошлые ошибки, от которых погибла наша независимость — значит суметь избежать их в будущем. Но не так думает «Брдзолис Хма». Изучение нашего прошлого, оказывается на руку все тому же г. Милюкову. Газета заявляет, что наше отрицательное отношение к «дипломатической» деятельности г. Уратадзе может нравиться только г. Милюкову. Говорится об этом в той же статье, которую мы только что цитировали и которая представляет нагромождение нелепых и неграмотных ответов на статьи, которые появились разновременно в нашем журнале.

«Что и говорить, рассуждает газета, с точки зрения Милюкова, это (т. е. заключение договора. Ред.) было нарушением интересов России, и он не раз заявлял, что акт 7 мая был односторонен и не приемлем. Амiredжибовский блок и тут работает на Милюкова. Для него приемлем и достоин даже похвалы Гарсеван Чавчавадзе, поднесший России свободу Грузии. А Гр. Уратадзе, отбивший раздаренную свободу и возвративший ее Грузии, оказывается повредил».

Вот какой великий человек этот г. Уратадзе. «Отбил да возвратил!» Сказано, конечно, хорошо. Это почти — «вени види, вици» — если бы газета не поскупилась на третье слово. Но как это случилось, что через несколько месяцев Ленин занял Грузию, а освободи-

тель отечестве бежал из «освобожденной» им страны? И эти люди, пережившие на себе что значит вероломство большого государства, смеют еще говорить, что Чавчавадзе преподнес свою родину России!

Князь Гарсеван Чавчавадзе был последом двух грузинских царей, при трех русских императорах. По уму, и культуре, надо полагать, что стоял он немного выше г. Уратадзе и в Россию он ездил как верный слуга своего государя и народа, а не как г. Уратадзе, неизвестно от кого. Не был он так же «на ты» с русскими царями, как г. Уратадзе с Лениным, а главное, не был он марксистом. Был честен и Грузией никого не одаривал. Не вина его, благородного представителя маленького народа, если большое и могучее государство, презрев обещания и трактаты — упразднило грузинское царство, а династию, правившую народом двенадцать веков, выслало из страны.

Такова наша патриотическая доктрина и так думает вся Грузия. Так мы говорим всем нашим друзьям о нашей национальной трагедии и друзья нам верят, ибо такова, на самом деле, наша история. И только «Брдзолис Хма», только грузинские меньшевики, только люди без роду и племени, презирающие прошлое и историю своего народа, да еще большевики говорят о том, что не Россия силою взяла Грузию, а сама Грузия продалась России...

Вот она, меньшевизкая борьба за честь и свободу Грузии!

ХРОНИКА

— В Баку было отпраздновано 75-летие со дня рождения известного азербайджанского певца Джабара Карятди-оглы, считающегося лучшим знатоком народной и классической восточной музыки.

УСЕРДСТВУЮТ..

“За усердие” Берна, Багиров, Мгалоблишвили, Рахманов и Лакоба получили орден Ленина. Забавнее всего в сей истории, что эти товарищи получили этот высший орден по “военной части”. Ни один из них, как будто ни в каких войнах не участвовал, если не считать, конечно, войн, ведшихся ими против своих же народов, во главе московских чекистов.

МЕЛОЧИ

— Город Сенаки переименовывается в... Цхакаа. Очередь за Тифлисом, Баку и Эриванью.

— Комиссаром юстиции и прокурором Грузии назначен на место Гобеджишвили, Рампшвили, Амвросий.

— В Эривани прошла с большим успехом новая опера “Ануш”, написанная А. Тиграняном на сюжет известной поэмы Ованеса Туманяна.

— По уверению советской прессы, Закавказское общество культурной связи с заграницей, посылает в Турцию, по просьбе министерства народного просвещения, учебники по физике и естественным наукам для средних школ на турецком языке. Учебники эти якобы нужны для выработки новой турецкой научной терминологии, заменяющей староперсидские термины.

Сообщение это, повидимому, является очередной пропагандистской уткой большевиков: на самом деле, если турецкое министерство народного просвещения решило заменить арабские термины чисто турецкими, то нет необходимости проделывать этот опыт через посредство большевиков; если же оно намерено заменить их европейскими терминами, то тем более турки не нуждаются в услугах большевиков: слава Богу, у них есть достаточно сил как для первого, так и для второго опыта.

ПЕРЕПЛАНИРОВКА ТИФЛИСА

На очереди вопрос о перепланировке Тифлиса, по проекту московских архитекторов Шелеховского и Малоземова. Авторы проекта высказываются за постройку 3-4-этажных домов, по 6-7-8-этажные дома вовсе не исключены из проекта. Перепланировка Тифлиса займет 15-25 лет, после чего население города увеличится до 725.000.

Как известно, население Баку достигло уже этой нормы и не путем “перепланировки”, а просто переселенческой политики московского “интернационального” правительства, и в ущерб коренному населению.

“КИРОВАБАД”

Среди многочисленных учреждений, институтов, местечек и т. п. на Кавказе, коим дано имя Кирова, находится и Ганджа, эта колыбель азербайджанского туркизма, которую нынешние “правители” Закавказья (“национального по форме, социалистического по содержанию”) окрестили именем того человека, с которым связана мрачная история вторич-

ного завоевания Кавкая. Ганджа будет называться теперь «Кировабад». Недемся — не надо!.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ УСПЕХИ

За 1934 г. на Закавказской железной дороге было 5.232 аварии и крушения, а за два первых месяца 1935 г. число аварий достигало 861. Как говорится, «для начала недурно».

ПЕРСИДСКИЕ СТУДЕНТЫ В ЕВРОПЕ

В номере от 9 апреля известной парижской газеты «Фигаро» помещена статья г. Шарлети, ректора Парижского университета, озаглавленная «От поэта Фирдуси к Е. П. В. Реза Шаху Пахлеви», в которой автор давал историческую справку об установлении культурной связи Франции с Персией, приводит интересные данные об инициативе Реза Шаха посылать в Европу молодых людей из Персии для изучения наук и разных специальностей.

В 1928 г. было послано в Европу около ста студентов, большая часть коих осталась во

Франции. В прошлом году один из этих молодых людей поступил в «Эколь Нормаль Суперьер», считающуюся лучшей школой для подготовки к педагогической деятельности и дающую своим питомцам совершенно исключительную эрудицию.

Г. Шарлети приводит слова Реза Шаха персидской молодежи перед отправкой их во Францию: «...Причина того обстоятельства, что я посылаю вас из страны с монархическим режимом в страну республиканскую, кроется в том, что я хочу, чтобы вы научились у французам любить свою родину».

С тех пор было послано в Европу 4572 стипендиата, из коих 355 обосновались во Франции. К этой цифре надо прибавить 1.165 студентов, посланных за свой счет и которые распределены по странам в таком порядке: 537 во Франции, 163 в Бейруте, 137 в Бельгии, 114 в Германии, 70 в Америке, 33 в Англии, 31 в Швейцарии.

Кроме того в Персии проектируется организация 25 педагогических институтам, а так же расширение Тегеранского Университета по плану одного французам.

БИБЛИОГРАФИЯ

750-ЛЕТИЕ СО ВРЕМЕНИ РОЖДЕНИЯ РУСТАВЕЛИ.

(1185—1935)

Грузинская колония в Париже будет праздновать в скором времени, также как вся литературная Грузия, юбилей рождения самого гениального поэта и мыслителя Грузии — Шота Руставели. Поэт родился, согласно традиции и последним исследованиям, в Западной Грузии (Месхетия, Ахалцыхск. у.), в селе Рус—тави,

отсюда псевдоним писателя, обессмертившего себя, всю свою расу и эпоху единственной поэмой: «Барсова Шкура». Подлинная его фамилия до сих пор неизвестна, как неизвестно в точности к какой религии он принадлежал, по этому поводу высказывались три предположения: согласно первому — поэт

был православным (об этом как будто свидетельствуют традиция и обстоятельства смерти писателя); второе предположение, что он был католиком (основывается оно на месте рождения Руставели) и третье, наконец, предположение, что он был мусульманином (в подтверждение этой гипотезы ссылаются на знание, самое глубокое, поэтом обрядов этой религии, выявленное в поэме, на его ссылки на «мусафи-коран» и т. д.).

16-ти-сложный стих Руставели считается самым трудным в грузинской версификации и всякие подражания были невозможны, или обречены на провал. Государственный казначей при царице Тамаре († 1212), он воспевал ее государственный ум, подвиги, решительность, быстроту соображения.

Перед божественным взглядом, перед прекрасной внешностью царицы, не могло устоять чувствительное сердце средневекового рыцаря — Руставели. Он воспевае красоту и ее влияние на душу смертных и бессмертных, подвиг и дружбу, самопожертвование и красоту возвышенных замыслов...

Поэт скончался в 1225 году в Иерусалиме, приняв монашеский обет за несколько месяцев до смерти.

Все величие и сила автора заключаются в его поэтических сравнениях, в глубине и благородстве мыслей, выраженных в его афоризмах; их всего 300 и введены они в поэму очень метко и кстати. Алмаз, жемчуг, бирюза, сапфир, цветы, птицы и звери являются поочередно символами бесконечной любви, искренней преданности, успокаивающей заски, чувствительности, или обманутой ожиданиями надежды. Целый ряд его сентенций цитируются в разговорной речи.

Вот некоторые из них:

1. Славная смерть выше позорного существования;

2. Лев и львица все же «львы!» (половое равенство);

3. Солнце мощное освещает одинаково розу и... навоз (социальное равенство);

4. Если ворона обладает розой — она далеко еще не соловей!

5. Мягким словом можно очаровать даже змею!

6. Во-время сказанная речь — сильнее пули!

Что отдашь — к тебе же вернется, сохранишь — растеряешь навсегда.

Любовь, преданность — самый прочный мост, соединяющий друзей!

9. Настоящий поэт должен быть неисчерпаем в своих замыслах, сюжетах и образах.

10. Не поэт, кто сил не чует душу словом потрясти! и пр.

Грузинский автор переведен на следующие языки:

1. Немецкий (А. Лейст. Лейпциг. 1898);

2. Английский (Мисс Вуордроп. Лондон. 1912);

3. Французский а) (Ашаз Борэн. Париж, 1886 (имитация); б) (Ш. Беридзе. Париж, 1927. (Афоризмы и анализ сюжета);

4. Русский а) (Е. Сталинский. Тифлис. 1888. Введение в стихах). б) К. Бальмонт. Москва. 1917. Некот. главы. в) К. Бальмонт. Париж. 1933. Полн. перев. в стихах);

5. Армянский. (Аноним. Тифлис. См. сб. Евг. Сталинского. 1888.

Ш. Беридзе.